

ДМИТРИЙ ЛЕОНТЬЕВ,

*доктор психологических наук, профессор
факультета психологии Московского госу-
дарственного университета имени М. В. Ло-
моносова*

Сказка о справедливости

О справедливости люди, особенно обездоленные, не устают мечтать и говорить с древних времен. Справедливость — одна из безусловных человеческих ценностей. Трудно представить себе человека, который в здравом уме говорил бы, что справедливость — это неправильно, несовременно, вредно и т.п.

К сожалению, мы привыкли произносить многие пафосные слова (и это в том числе), совершенно не задумываясь о смысле, который в них вкладываем. В результате получаются, по меткому определению специалистов по массовой коммуникации, “слова, не отбрасывающие тени”, слова без содержания, которые громко звучат, но содержания их не уловить. И если спросить людей, требующих справедливости, что они под этим понимают, то услышим, скорее всего: “Ну как? Чтобы честно. В общем, чтобы поровну, по справедливости”.

Не очень ясно. Попробуем разобраться с самого начала.

Начнем с того, что в природе такой вещи, как справедливость, не найдешь. Сила, другие ресурсы и достоинства распределены крайне неравномерно, а Господин Естественный Отбор не щадит тех, кому не повезло. К кому можно апеллировать, если волки регулярно едят зайцев, а те не могут ответить им тем же? Только к Богу, жалуясь на несправедливое устройство мира. Но сусальная картинка разных видов живых тварей в эдемском саду, не наказывающих друг друга за недостаточную силу, ловкость и резвость, имела бы своим следствием то, что вся эволюция замерла бы и мы бы никогда не появились на свет. Таким образом, справедливость — чисто человеческое изобретение.

Наиболее, пожалуй, выпуклая ситуация, в которой возникает проблема справедливости, — это деление еды между детьми в семье. Чтобы всем дос-

талось поровну, никого не обидели, чтобы любимчикам не достались привилегии (такое бывает). От кого требуют справедливости? Конечно же, от главы семейства, от того, кто делит. Именно от него зависит, справедливо получится или нет. И возникает главный парадокс: чтобы все было справедливо, должна быть высшая инстанция, которая обладает полномочиями контролировать и обеспечивать справедливость. Гарант, который стоит над остальными. Глава семьи, отец или мать семейства. Если взрослые жалуются на несправедливость, они обращаются к Богу как верховному гаранту или, если мыслят более конкретно, к монарху или другому представителю власти. Сама по себе справедливость не возникает.

В итоге получается ситуация, успешно апробированная (с печальным результатом) не только в Советском Союзе, но и во многих странах Европы и международных организациях: забота о справедливости с неумолимой необходимостью приводит к созданию аппарата распределения благ, который приобретает серьезные привилегии и встает над клиентами, которых он “обслуживает”, потребляя изрядную долю тех благ, которые распределяются между остальными. Вряд ли это идеал справедливости. И чем больше народ требует справедливости, тем больше он оказывается в зависимости от ее гарантов.

Справедливость — это идеал, под углом зрения которого мы можем оценить реальность, но которому реальность напрямую соответствовать не может. Это Царство Божие на Земле, которое неосуществимо. Чтобы установить его, надо отменить естественный ход жизни. Семидесятилетний эксперимент по насильственному внедрению такого идеала многие люди вспоминают с ностальгией, а многие — с содроганием, но одно неоспоримо: советский эксперимент был попыткой построения искусственной жизни и выведения искусственных людей. Многим нравилось: в аквариуме рыбке гораздо комфортнее и сытнее, чем в речке. Но лишь при условии, что кто-то регулярно подсыпает корм и меняет воду. Сам аквариум без хозяина жить не в состоянии.

Об искусственности внедрения справедливости на Земле говорит то, что все утопические попытки ее установления оборачивались антиутопиями — равенство возможно лишь в нищете. Еще одна яркая иллюстрация абсурдности формальной справедливости — притча о Соломоновом суде. Образцом формальной справедливости выступает решение разрубить пополам ребенка, за которого спорят две женщины, чтобы никому не было обидно, и хитроумное разрешение Соломоном этой ситуации никак не может, к сожалению, выступать в качестве универсального алгоритма.

Значит, справедливость — это лишь сказка для детей? Не совсем. Справедливость для взрослого человека — это, в первую очередь, соразмерность вкладываемых им усилий и отдачи. Человек, вкладывающий больше, чем другие, а получающий меньше, ощущает несправедливость такого положения вещей, хотя ее нельзя точно измерить, да и незачем. Но о такой справедливости может говорить только человек делающий, а не получающий. К тому же, человек не взывает к справедливости до тех пор, пока это несоответствие не становится слишком уж вопиющим. Несправедливость очевидна, ее гораздо легче зафиксировать, тогда как справедливость — это неуловимая Синяя птица.

Итак, требование справедливости по-человечески понятно, но это инфантильное требование, которое никак не может быть реализовано буквально. Ведь первый шаг к ее установлению — создание ситуации заведомого неравенства, делегирование некоторому гаранту особых полномочий по распределению. Справедливости требуют больше люди, не слишком способные своими усилиями обеспечить себя. Залог же реальной, “взрослой” справедливости — общественные отношения, при которых то, что человек вкладывает, возвращается к нему в адекватной пропорции, с учетом некоторого разумного перераспределения в пользу тех людей, которые по объективным причинам себя обеспечить не могут. Взрослые не мелочатся.